

III.

БИБЛИОГРАФІЯ.

Русскій Архивъ. Историко-литературный сборникъ. Москва 1863—1865.

(Статья вторая и послѣдняя.)

Не разъ было замѣчаемо въ нашей печати, что отдаленная русская старина извѣстна намъ лучше, нежели времена близкія и ближайшія. Какъ ни парадоксально можетъ показаться, съ перваго взгляда, подобное заявленіе, однако оно справедливо. Благодаря обнародованнымъ архивнымъ матеріаламъ и трудамъ представителей новой исторической школы, которые успѣли воспользоваться ими, мы дѣйствительно короче знаемъ теперь исторію старой Руси, даже въ самыхъ мелкихъ ея подробностяхъ, чѣмъ исторію временъ не очень отъ насъ отдаленныхъ. Матеріалы, долженствующіе пролить иной свѣтъ на новую исторію Россіи, далеко еще не разработаны и большинство ихъ еще долго будетъ скрываться въ архивахъ. Возьмемъ, для примѣра, исторію отечественной войны 1812 года. Полвѣка минуло со времени окончанія исполинской борьбы русскаго народа за свою независимость, но можемъ ли мы утверждать, что, послѣ всего напечатаннаго о ней на русскомъ языкѣ, намъ уже ничего не остается разрабатывать на этомъ полѣ? Разъяснены ли окончательно всѣ спорные вопросы, всѣ сомнительныя догадки, всѣ мелкія, но тѣмъ не менѣе необходимыя для цѣлаго, подробности? Появляющіеся, отъ времени до времени, въ нашихъ періодическихъ изданіяхъ матеріалы для исторіи войны 1812 года свидѣтельствуютъ противное. „Русскій Архивъ“, вѣрный своей программѣ, старается, сколько можетъ, содѣйствовать уясненію нѣкоторыхъ сторонъ эпохи 1812 года, и хотя собранная имъ до сихъ поръ жатва не была особенно обильна, но на нѣтъ и суда нѣтъ. Подлинныя документы всегда добываются съ трудомъ.

Начнемъ съ матеріаловъ, относящихся къ вопросу о фальшивыхъ русскихъ асигнаціяхъ, распространенныхъ Наполеономъ въ Россіи. Между московскими старожилами и до сихъ поръ живеть преданіе, что Бонапартъ, передъ вторженіемъ

Т. XLIX. Стл. III.

своимъ въ Россію, заготовилъ у себя дома, на большія суммы, нашихъ фальшивыхъ асигнацій. Одинъ москвичъ, неуспѣвшій, по болѣзни, выѣхать изъ Москвы при вступленіи въ нее непріятеля, рассказывалъ редактору „Русскаго Архива“, что французы вымѣнивали нашу звонкую монету на свои фальшивыя бумажки, платя за серебряный рубль пятирублевую асигнацію, и что для этого у Каменнаго моста были нарочно устроены мѣняльныя лавки. Сохранилось также преданіе, что, по изгнаніи французовъ, наше правительство на многіе миліоны выкупило такихъ фальшивыхъ асигнацій у крестьянъ и вообще у всѣхъ введенныхъ въ обманъ. Но не одни преданія говорятъ о продѣлкѣ Наполеона подорвать кредитъ Россіи: есть неоспоримыя историческіе документы, свидѣтельствующіе, что надменный властелинъ западной Европы, похвалявшійся внести въ Россію французскую цивилизацію, внесъ, вмѣсто ея, асигнаціи своей фабрикаціи. Изъ напечатаннаго въ „Русскомъ Архивѣ“ (№ 4-й 1865) рапорта московскаго оберъ-полицеймейстера, генералъ-маіора Ивашкина, графу Ростопчину видно, что два полицейскіе чиновника (слѣдственный приставъ Яковлевъ и маіоръ Чистяковъ), на которыхъ возложено было разслѣдованіе о фальшивыхъ асигнаціяхъ, распространенныхъ правительствомъ Наполеона, отобрали такихъ асигнацій у проживавшихъ въ Москвѣ иностранцевъ на 4,750 рублей. По поводу этого официальнаго документа, г. Липранди помѣстилъ статью „Еще о фальшивыхъ асигнаціяхъ 1812 года“ (№ 7-й 1865), въ которой собралъ доказательства, опровергающія мнѣніе объ этомъ предметѣ г. Богдановича въ „Исторіи отечественной войны 1812 года“ (II, 367): „Говорятъ — пишетъ г. Богдановичъ — будто бы Наполеонъ, желая подорвать государственнй кредитъ нашего отечества, пустилъ въ ходъ большое число фальшивыхъ русскихъ асигнацій; *но это обвиненіе не основано ни на какомъ достоверномъ свидѣтельствѣ*“. Между тѣмъ, по словамъ очевидца, Михайловскаго-Данилевскаго, къ военному начальству стали поступать, послѣ изгнанія французовъ, отъ жителей мѣсть, постигнутыхъ непріятельскимъ нашествіемъ, сторублевыя асигнаціи французской фабрикаціи, такъ искусно поддѣланныя, что даже въ асигнаціонномъ банкѣ приняли ихъ, съ перваго взгляда, за настоящія: онѣ отличались отъ подлинныхъ русскихъ асигнацій только тѣмъ, что подпись на нихъ была выравирована. Г. Липранди прибав-

яетъ, что и онъ, вмѣстѣ съ другими офицерами 1812 года, видѣлъ эти фальшивыя асигнаціи не только у казаковъ, которые находили ихъ у плѣнныхъ, но также въ Минскѣ, въ Вильнѣ, почти въ каждомъ жидовскомъ мѣстечкѣ, и наконецъ въ Варшавѣ. Въ захваченной нашими войсками коляскѣ маршала Вертье найдена была доска для дѣланія фальшивыхъ русскихъ асигнацій. Лесенсъ (московскій интендантъ и предсѣдатель муниципальнаго правленія) предлагалъ Туттолмину (начальнику воспитательнаго дома, остававшемуся въ Москвѣ) взять, для расходовъ по завѣдываемому имъ учрежденію, денегъ асигнаціями, но Туттолминъ отказался и писалъ въ донесеніи императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ (отъ 11-го ноября 1812): „Ихъ (т. е. французскихъ начальниковъ въ Москвѣ) была одна зловредность, чтобы ссужать меня своими фальшивыми асигнаціями, коихъ привезли съ собой весьма большое число, и ими даже, по повелѣнію Наполеона, выдавали своимъ войскамъ жалованье“. Уже съ весны 1812 года было извѣстно нашему правительству, что герцогъ Бассано (министръ иностранныхъ дѣлъ Наполеона) поручилъ варшавскому банкиру Френкелю постепенно впускать въ предѣлы Россіи, еще до вторженія непріятели, изготовленныя на двадцать милліоновъ рублей фальшивыя асигнаціи, и евреи повели это дѣло такъ ловко, что, несмотря на принятые съ нашей стороны мѣры, успѣли распространить часть ихъ между помѣщиками и въ войскахъ. Съ октября 1812 года такія асигнаціи стали поступать въ банкъ: до 1814 года поступило ихъ изъ почтамта отъ служившихъ въ арміи лицъ слишкомъ на полмилліона. Въ томъ же году, въ артельныхъ суммахъ оказалось триста тысячъ фальшивыхъ асигнацій изъ 1,500,000. Замѣчательно, что еще въ 1846 году московскіе старожилы указывали, на преображенскомъ безпоповщинскомъ кладбищѣ, двѣ комнаты, изъ которыхъ въ одной помѣщался станокъ для дѣланія фальшивыхъ асигнацій. Кладбище это пользовалось особеннымъ покровительствомъ французовъ, потому что раскольники посылали депутатовъ къ французскому коменданту Кремля, и самъ Наполеонъ удостоилъ его своимъ посѣщеніемъ, а Мюратъ и нѣкоторые маршалы неоднократно посѣщали это кладбище. Еще замѣчательнѣе, что не далѣе какъ 10-го августа 1864 г., въ парижскомъ уголовномъ судѣ, адвокатъ поляка Франковского, обвиненнаго въ дѣланіи фальшивыхъ русскихъ асигна-

цій, привелъ, въ оправданіе его, слѣдующія слова: „Въ 1812 году Наполеонъ чеканилъ русскіе фальшивые рубли“...

Бернгарди, котораго нельзя заподозрить въ пристрастіи къ Россіи, говоритъ, въ запискахъ графа Толя (I, 228—229): „Между средствами, употребленными Наполеономъ для одолженія Россіи, одно было очень нечистаго свойства: именно фабрикація русскихъ асигнацій, долженствовавшихъ быть распространенными въ предѣлахъ Россіи. Правда, генераль Гурго пытался опровергнуть надменнымъ тономъ этотъ фактъ, какъ и многое другое неблагоприятное: онъ говоритъ о благородно-гордомъ (!!!) характерѣ Наполеона, которому была несвойственна подобная низкая фальшь. Но это никого не введетъ въ обманъ, ибо доказано, что Наполеонъ заплатилъ долгъ въ шесть милліоновъ талеровъ саксонскому королю фальшивыми русскими асигнаціями, и что эти асигнаціи попали потомъ въ руки русскихъ въ Дрезденъ и въ Лейпцигъ. Кто жилъ тогда въ Россіи, тотъ помнитъ, какое замѣшательство и какіе убытки послѣдовали въ торговыхъ сдѣлкахъ, по причинѣ фальшивыхъ асигнацій, распространившихся изъ Литвы и изъ Курляндіи и по другимъ губерніямъ“.

Послѣ такихъ свидѣтельствъ, сомнѣнія о злобномъ и безчестномъ поступкѣ Наполеона были бы неумѣстны, и мы полагаемъ, что только излишняя осторожность, даже деликатность помѣшали г. Богдановичу высказаться категорически о бонапартовской продѣлкѣ. Наполеонъ, глубоко ненавидѣвшій и презиравшій все человѣчество, попиравшій ногами честь, правду, нравственность, считалъ для себя всѣ средства позволительными, коль скоро нужно было осуществить задуманную имъ мысль. Разорить, ослабить, унижить Россію—эта мысль занимала его еще со временъ эрфуртскаго свиданія, и, между прочимъ, онъ придумалъ оригинальное средство обезпечить успѣхъ своего замысла, какъ о томъ рассказываетъ Бернгарди (II, 229—230). Въ 1809 году, Коленкуръ сдѣлалъ въ Петербургѣ предложеніе учредить въ Россіи большіе склады перевозочныхъ средствъ (*dépôts de roulage*), подъ благовиднымъ предлогомъ облегчить обѣимъ столицамъ сношенія съ западною Европою, такъ какъ всѣ моря, по причинѣ континентальной системы, были заперты, и въ особенности для того, чтобы оживить сухопутную торговлю Европы съ востокомъ. На приличныхъ пунктахъ, преимущественно тамъ, гдѣ соединяются и пересѣкаютъ-

ся главные пути сообщенія — другими словами, на важнѣйшихъ стратегическихъ пунктахъ — надлежало сосредоточить, въ обширныхъ размѣрахъ, перевозочныя средства, лошадей и повозки, для дальнѣйшаго отправленія товаровъ съ западной границы. На такихъ мѣстахъ надобно было, разумѣется, собрать, въ соразмѣрномъ количествѣ, провіантъ и фуражъ, и, кромѣ того, имѣлось въ виду опредѣлить при задуманныхъ „*dépôts de goulage*“ французскихъ агентовъ, которые, подобно консуламъ, блюли бы интересы своихъ соотечественниковъ и заботились бы о скоромъ и исправномъ провозѣ пересылаемыхъ за ихъ счетъ товаровъ. Канцлеръ Румянцевъ принялъ это предложеніе съ величайшею готовностію и всѣми мѣрами содѣйствовалъ его выполненію. Наряжена была комисія, состоявшая отчасти изъ русскихъ чиновниковъ, отчасти изъ лицъ французскаго посольства, для ближайшаго обсужденія и рѣшенія вопроса, и къ ней, въ качествѣ специалиста, прикомандированъ былъ офицеръ корпуса путей сообщенія. Выборъ палъ на образованнаго молодого человѣка, принятаго въ высшихъ кружкахъ петербургскаго общества, на капитана Саблукова (умеръ въ чинѣ генераль-лейтенанта). Директоръ корпуса инженеровъ путей сообщенія, родомъ голландецъ, хорошо понимавшій Наполеона, испугался, когда Саблуковъ объяснилъ ему задачу новой комисіи: онъ сейчасъ сообразилъ, что Наполеонъ хотѣлъ, на случай войны, заготовить огромныя транспортныя средства и склады провіанта и фуража на опредѣленныхъ пунктахъ, надѣясь легко овладѣть ими, особенно въ Литвѣ. Въ добавокъ, французскіе чиновники должны были ознакомиться со внутренними губерніями и съ ихъ средствами. Взвѣсивъ всѣ эти обстоятельства, начальникъ инженеровъ посоветовалъ своему молодому офицеру стараться всячески препятствовать учрежденію „*dépôts de goulage*“, отговариваясь, напри- мѣръ, неудобствами ихъ основанія на предлагавшихся комисіей мѣстахъ. Саблуковъ съ большимъ искусствомъ игралъ эту роль въ продолженіе слишкомъ двухъ лѣтъ. Сколько ни предпринималъ онъ поѣздки по порученію комисіи, но всегда возвращался съ доказательствами, что на избранномъ пунктѣ невозможно учредить чего-либо или по недостатку фуража, или по немнѣнію приличныхъ построекъ, или по причинѣ болотистой почвы и т. п. Не задолго передъ разрывомъ, когда Дористонъ, преeminягъ Коленкура, уѣзжалъ изъ Петербурга и Саблуковъ,

по принятому обычаю, откланивался ему, французскій генералъ, какъ извѣстно плохой дипломатъ, высказался ему неосторожно, что онъ помѣшалъ исполненію важныхъ плановъ. Саблуковъ отвѣчалъ, что, въ качествѣ русскаго офицера, принимаетъ этотъ упрекъ за комплиментъ.

Другіе матеріалы для исторіи войны 1812 года относятся къ пребыванію французовъ въ Москвѣ. Таковъ дневной приказъ маршала Бертье отъ 17-го (29-го) сентября (№ 4-й 1864) о принятіи мѣръ къ прекращенію грабежей, которыми не переставали, несмотря ни на какія запрещенія и угрозы, заниматься воины великой арміи. По объясненію редакціи „Архива“, подлинникъ напечатанъ, въ видѣ афиши, на листѣ большого формата, въ два столбца, изъ которыхъ одинъ на французскомъ, другой на русскомъ языкѣ. Судя по оборотамъ рѣчи русскаго переводчика, надобно думать, что онъ сдѣланъ иностранцемъ.

„Донесенія московскихъ лазутчиковъ“ (№№ 11 и 12-й 1864) графу Ростопчину, жившему тогда во Владимірѣ, заключаютъ въ себѣ извѣстія о томъ, какъ хозяйничали французы въ занятой ими столицѣ. Вотъ нѣсколько наиболее характеристичныхъ выдержекъ изъ этихъ донесеній:

18-го сентября. „Опустошенія и пожары продолжаются; дома зажигаются, а потомъ стрѣляютъ въ нихъ ядрами, какъ бы въ крѣпость. Сіе учинено было съ домами графа Ростопчина, Остермана, Апраксина, графа Моркова, Пашкова, графа Панина и проч.“

„Своевольства столь велики, что были наказываемы; но теперь и самъ Себастиани (комендантъ Москвы) приносящимъ жалобы признается, что онъ не въ силахъ ихъ удерживать. Всѣ французы ежедневно пьяны послѣ обѣда, и жители ихъ убиваютъ, тогда и зарываютъ; но число всѣхъ жертвъ не велико.“

„Во всѣхъ церквахъ сдѣланы конюшни. Отъ святыхъ иконъ сдираютъ оклады, а потомъ кидаютъ ихъ (иконы) на улицу. Кремль цѣлъ, но неизвѣстно что тамъ дѣлается, ибо строгіе караулы никого туда не впускаютъ; а думаютъ, что грабятъ соборы.“

„Французы опечалены и ожесточены, что не требуютъ у нихъ мира, какъ имъ Наполеонъ то обѣщалъ, по занятіи Москвы; а потому разореніями и грабежами думаютъ къ миру принудить.“

„У жителей отнимаютъ рубашки и сапоги, мучатъ ихъ разными работами, не кормя, и когда они умираютъ отъ голода и усталости, то берутъ, на улицахъ и въ домахъ, другихъ на

ихъ мѣста. Удивительно то, что у самихъ французовъ бѣгаетъ ежедневно по сту и болѣе солдатъ. За ними нѣтъ никакого призора, и они не слушаютъ начальниковъ своихъ. Ежедневно разстрѣливаютъ за неповиновеніе.“

„На всѣхъ домахъ богоугодныхъ заведеній Наполеонъ написалъ: „maison de ma mère“, также и въ сумасшедшемъ домѣ. Не знаютъ что онъ симъ разумѣть хочетъ.“

„Церковь и кладбище раскольниковъ цѣлы, потому что они встрѣтили французовъ съ хлѣбомъ и солью и просили пощады.“

20-го сентября. „Бывшій содержатель пансіона въ Москвѣ, Вильерсъ, сдѣланъ оберъ-полицеймейстеромъ, а Оберъ, мужъ торговли Шалме, сдѣланъ плацъ-маіоромъ. У сей больше столы, и всякій день обѣдаютъ генералы и другіе чиновники.“

„Вотъ форма пропуска печатнаго, даннаго женщиѣ, служащей у актрисы Носовой: „Place de Moscou. Par ordre de S. M. l'Empereur, le commandant de la place de Moscou, le général de division et comte de l'empire, à toutes les patrouilles et détachements de l'armée française.—La signora (?) Aksinia, nourrice, sera respecté dans sa personne et dans ses propriétés, en foi de quoi etc.“—Подписано: „le comte de Sébastiani.“ (*).

„Полагать должно, что мало или нѣтъ измѣнниковъ, ибо въ Москвѣ одинъ только переводчикъ. Человѣкъ князя И. М. Д. приходилъ къ Мюрату жаловаться на буйство солдатъ, живущихъ въ домѣ его господина, но узналъ, что Мюратъ говорить съ нимъ не можетъ, потому что переводчикъ посланъ въ Кремль съ препорученіями, а человѣку велѣно приходитъ на другой день, въ восемь часовъ поутру. Сей же человѣкъ описываетъ своему господину видѣнное имъ самоглазно: за алтаремъ Архангельскаго собора спитъ французская кухарка; возлѣ окна готовить она и кушанье; она спила себѣ платье изъ ризъ поповскихъ, бархатныхъ и другихъ. Да и сами французы, когда дождливое время, показываются на улицахъ въ священническихъ облаченіяхъ, дабы сберечь свои мундиры. Наглости всякаго рода и ругательства, чинимыя въ церквахъ, столь безбожны, что перо не смѣетъ ихъ описывать: онѣ превышаютъ всякое воображеніе. Поведеніе сіе непонятно, ибо симъ французы болѣе еще раздражаютъ народъ противъ себя.“

(*) „Москва. По приказанію е. в. императора, московскій комендантъ, дивизионный генералъ и имперскій графъ, всѣмъ патрулямъ и отрядамъ французской арміи. Личность и собственность госпожи Аксиньи, кормилицы, имѣютъ быть уважаемы. Въ удостовѣреніе чего и проч. Графъ Себастьяни.“

„Нѣкоторые ряды заняты французами, кои посадили туда своихъ женъ, а сѣи торгуютъ мѣхами, полотнами, сукнами и продаютъ все за самую сходную цѣну, но на серебро. Кормить сего торга начинаетъ привлекать нѣсколько людей въ Москву. Цибикъ чаю можно имѣть за 15 р., тогда какъ за хлѣбъ платятъ французы по два, по три и даже по пяти цѣлковыхъ. Чай, сахаръ и кофе валяются по улицамъ. Французы берутъ ящики и набиваютъ ихъ другимъ.“

„Вышеупомянутый человекъ видѣлъ самъ князя Петра Алексѣевича Волконскаго, Степана Абрамовича Лопухина и князя Дмитрія Васильевича Голицына, таскающихъ на плечахъ своихъ кули. Французы погоняли ихъ, крича: алô! алô! — Непозвѣстно, какъ они остались въ Москвѣ; но слышно только, что на Голицына приходили люди жаловаться въ тиранствѣ, и что они не выпустили его изъ Москвы.“

„Въ день коронаціи (15-го сентября), у Никиты Мученика и въ двухъ другихъ церквахъ была служба, и, по позволенію начальства, благовѣстили. Стеченіе народа было чрезвычайное; но какъ, по расхищенію книгъ, сосудовъ, по недостатку просвиры и вина, нельзя было служить обѣдни, то были токмо часы съ водосвятиемъ.“

„Церкви Спаса, что въ Рогожской, протопопъ вышелъ къ французамъ со крестомъ и сказалъ имъ по-французски: „Prenez tout notre avoir, mais respectez le temple de Dieu?... (*) Онъ хотѣлъ продолжать, но палецъ изрубленный руками злодѣевъ. Ту же участь имѣли два попа въ Андроньевомъ монастырѣ; они сдѣлались жертвою своего усердія къ храму Всевышняго: ихъ изрубили въ куски, а монастырь былъ сожженъ.“

„Сыщикъ Яковлевъ, развѣзжавшій въ послѣдніе дни (передъ вступленіемъ непріятеля въ Москву) съ ашинами, приглашавшими всѣхъ жителей окрестностей Москвы идти туда на поддержаніе арміи съ вилами, косами, топорами и проч., прибылъ на кожевенный большой заводъ и, смотря на зданіе и магазейны, сказалъ:—„Вотъ и это надобно бы покрыть красною краскою“.—„Что это значить?“ спросили у него.—„А то, что надобно это сжечь!“—„Какъ!—отвѣчалъ ему достойный надзиратель, Филиппъ Михайловичъ.—Мнѣ препоручено это хранить, а я сожгу?... Поднимется ли чья рука сжечь первый въ Россіи кожевенный заводъ? Знаешь ли ты, господинъ сыщикъ,

(*) „Возьмите все наше имущество, но сохраните уваженіе къ храму Господню.“

что у меня тутъ добра на полтора миліона, что я долженъ доставить это въ армію и что мы всё скорѣе умремъ здѣсь, нежели отдадимъ солдатское добро? А ты изволь отсюда убираться, а то мы тебя выколотимъ палками за твои рѣчи.“

Не лишена интереса „Записка о маіорѣ французской службы Александрѣ Шмидтѣ, составленная для графа Нессельроде А. Я. Булгаковымъ“. Когда французы ушли изъ Москвы, большая часть ихъ больныхъ и раненыхъ была оставлена въ Голицынской больницѣ. Изъ числа ихъ одинъ офицеръ пожелалъ видѣть графа Ростопчина и передать ему важныя сообщенія; но графъ Ростопчинъ, чтобы не дѣлать огласки, послалъ вмѣсто себя одного изъ своихъ чиновниковъ, именно А. Я. Булгакова. Французскій офицеръ объявилъ Булгакову, что зовутъ его Александромъ Шмидтомъ, что онъ, въ чинѣ маіора, состоялъ при главномъ штабѣ французской арміи, но, не желая болѣе служить Наполеону, притворился больнымъ, чтобы остаться въ Москвѣ, и можетъ сообщить весьма важныя свѣдѣнія о французской арміи. Обладая необычайною памятью, Шмидтъ переименовалъ всё полки, входившіе въ составъ „великой арміи“, и исчислилъ всё потери ранеными и убитыми, которыя потерпѣла эта армія въ сраженіяхъ, предшествовавшихъ занятію Москвы. Изъ свѣдѣній, сообщенныхъ Шмидтомъ, Булгаковъ составилъ записку, дополненную при послѣдующихъ съ нимъ свиданіяхъ, а графъ Ростопчинъ напечаталъ эту записку особою брошюрою, подъ заглавіемъ: „Подробный списокъ всѣхъ корпусовъ, составлявшихъ армію, вошедшую въ Россійскіе предѣлы подъ предводительствомъ Наполеона Банапарте, съ призовокупленіемъ понесенныхъ арміею сею убитыми и ранеными во всѣхъ сраженіяхъ до бородинскаго, составленный изъ бумагъ, оставленныхъ французами въ Москвѣ“ (*). По порученію графа Ростопчина, Булгаковъ предложилъ отвѣчать Шмидту на *пять-десять-три* вопроса. Какого рода были эти вопросы и что отвѣчалъ на нихъ французскій офицеръ, можно судить по слѣдующимъ выдержкамъ.

Вопрос. Когда, для войны 1812 года, Наполеонъ потребовалъ отъ вассальныхъ королей ихъ контингентовъ, сообщилъ ли онъ имъ свое намѣреніе начать войну противъ Россіи? Не выставилъ ли онъ другаго предлога?

(*) Брошюра эта вошла въ составъ смирдинскаго изданія *сочиненій гр. Ростопчина* (стр. 335—364).

Отвѣтъ. Онъ объявилъ имъ, что одна изъ континентальныхъ державъ замышляетъ уничтожить самостоятельность ихъ государствъ и подчинить ихъ древнему игу германской имперіи; но онъ скрылъ отъ нихъ, что его требованіе могло имѣть въ виду наступательныя дѣйствія противъ Россіи.

Вопросъ. Какое было настроеніе французскаго солдата, при вступленіи въ Россію?

Отвѣтъ. Французскіе солдаты надѣялись найти въ Россіи тѣ же средства, которыя они находили въ Германіи. Имъ была извѣстна храбрость русскихъ; но Наполеонъ и его генералы старались ихъ увѣрить, что русскіе крестьяне, питая сильное желаніе свободы, соединятся съ французскою арміею, для истребленія помещиковъ, и что война окончится до наступленія зимы.

Вопросъ. Что говорили французы и какъ объясняли они постоянное отступленіе русскихъ?

Отвѣтъ. Во французской арміи составились два мнѣнія объ отступленіи русскихъ: одно, которое раздѣляли старѣйшіе генералы, заключалось въ томъ, что русскій главнокомандующій, своимъ постояннымъ отступленіемъ, хотѣлъ ослабить французскую армію, въ особенности кавалерію; другое, которое было въ ходу между молодежью, незнакомою съ храбростію русскихъ, и которое старался распространять Наполеонъ, состояло въ томъ, что русская армія отступала по трусости и что въ главѣ ея не было начальника, способнаго бороться съ Наполеономъ.

Вопросъ. Были ли у французовъ хорошіе шпионы?

Отвѣтъ. Во французской арміи было нѣсколько порядочныхъ шпионовъ: почти все были поляки или литовскіе евреи; однакожъ Наполеонъ ни разу не могъ получить достовѣрныхъ и положительныхъ свѣдѣній о дѣйствительномъ расположеніи русской арміи. Замѣчательно, что никакія обѣщанія, никакія угрозы не заставили ни одного изъ русскихъ плѣнныхъ сообщить что-либо касающееся до арміи.

Вопросъ. Были ли военные совѣты до и послѣ взятія Смоленска? Мнѣнія Наполеона раздѣлялись ли его маршалами? Одобрять ли Бертье планъ похода и какое было его мнѣніе?

Отвѣтъ. Наполеонъ даже и не думалъ собирать военные совѣты, для обсужденія плана войны; одинъ Бертье былъ посвященъ въ его тайны.

Вопросъ. Почему французы не остановились въ Смоленскѣ?

Отвѣтъ. Наполеонъ не остался въ Смоленскѣ, полагая, что

если ему удастся выиграть одно большое сраженіе, то онъ можетъ предписать русскому правительству условія мира по своему усмотрѣнію. Кромѣ того, онъ надѣялся, во-первыхъ, найти въ Москвѣ всякаго рода запасы; во-вторыхъ, движеніемъ во внутренность страны распространить повсюду ужасъ, взбунтовать крестьянъ и привлечь къ себѣ всѣхъ иностранцевъ, проживающихъ въ Россіи.

Вопросъ. Какія чувства къ русскимъ питаетъ французскій солдатъ?

Отвѣтъ. Большая часть французской арміи была того мнѣнія, что русскія войска сражаются храбро, но что имъ недостаетъ проворства, что у нихъ плохіе начальники, что движенія ихъ слишкомъ медленны, а огонь пѣхоты недостаточно мѣткъ.

Вопросъ. Съ какою цѣлю Наполеонъ далъ сраженіе подъ Можайскомъ (Бородиномъ), когда онъ могъ избѣгнуть его, обойдя русскихъ и направясь прямо на Москву?

Отвѣтъ. Нѣтъ сомнѣнія, что Наполеонъ могъ избѣгнуть встрѣчи съ русскою арміей, слѣдовательно и не дать сраженія; но возможно ли было оставить въ тылу неприятельскую армію и потерять сообщеніе съ остальною частию французской арміи, составлявшей арьергардъ? Кромѣ того, онъ полагалъ, что русскія войска не окажутъ долгаго сопротивленія и что ему удастся отрѣзать крыло ихъ арміи. Съ этою цѣлю онъ и поручилъ князю Понятовскому маневрировать, съ польскимъ корпусомъ, на правомъ флангѣ русской арміи; но планъ этотъ не увѣнчался успѣхомъ. Увѣряютъ, что, наканунѣ сраженія, Понятовскій предлагалъ Наполеону перейти со своимъ корпусомъ, подкрѣпленнымъ 4,000 легкой кавалеріи, вправо отъ Можайска и занять дорогу къ Москвѣ. Наполеонъ не одобрилъ этого маневра, предполагая русскую армію многочисленнѣе, чѣмъ она была въ дѣйствительности.

Вопросъ. Зачѣмъ, подъ Бородиномъ, французы такъ упорно старались занять русскія батареи?

Отвѣтъ. Французскіе генералы думали, что если они займутъ русскія батареи, особенно центральную, то имъ легко будетъ отрѣзать значительную часть неприятельской арміи; но упорная защита этихъ батарей заставила понести большія потери въ генералахъ и лучшихъ офицерахъ и рядовыхъ и разрушила планы.

Вопросъ. Произведенъ ли грабежъ въ Москвѣ по приказанію или только съ дозволенія Наполеона?

Отвѣтъ. Приказъ грабить Москву состоялся 16-го сентября (н. ст.). Въ приказѣ этомъ было сказано: полковые командиры отправить на грабежъ Москвы по одному отряду отъ каждаго полка, подъ начальствомъ штабъ-офицера, обязанность котораго должна состоять въ томъ, чтобы предупредить ссору между солдатами разныхъ полковъ и указать своему отряду ту часть города, которая назначена для него въ приказѣ. Когда же грабежъ начался, то грабить принялись не только солдаты назначенныхъ отрядовъ, но почти вся армія, особенно старая гвардія (первая вступившая въ Москву) и итальянская гвардія. Грабежъ сдѣлался всеобщимъ и сопровождался страшными безпорядками: армейскіе солдаты вступили въ драку съ гвардейскими, считавшими за собою больше правъ; помѣнялись даже нѣсколькими ружейными выстрѣлами. Но когда добрались до погребовъ, наполненныхъ винами и спиртными напитками, то безпорядки достигли высшей степени: офицеры и солдаты перепились до безобразія.

Вопросъ. Былъ ли назначенъ срокъ грабежу?

Отвѣтъ. Положено было прекратить грабежъ 24-го сентября (н. ст.); но онъ продолжался во все пребываніе арміи въ Москвѣ.

Вопросъ. Сожжена ли Москва по приказанію или только съ дозволенія Наполеона?

Отвѣтъ. Наполеонъ увѣрялъ, что графъ Ростопчинъ приказалъ жечь не только провіантскіе магазины, но даже всѣ тѣ части города, гдѣ французская армія могла найти какіе-либо запасы. Поляки первые зажгли нѣсколько домовъ; а когда послѣдовалъ приказъ о грабежѣ, то и французскіе солдаты, со своими союзниками, сожгли нѣсколько покинутыхъ зданій.

Вопросъ. Кому поручено было сжечь Москву?

Отвѣтъ. Маршалу Мортѣ поручено было сжечь всѣ фабрики, бумагопрядильни и другія заведенія и магазины, которые уцѣлѣли отъ прежнихъ пожаровъ: это приведено въ исполненіе въ послѣдніе четыре дня пребыванія французской арміи въ Москвѣ.

Вопросъ. Пытались ли французы завербовать русскихъ въ свои войска?

Отвѣтъ. Наполеонъ приказалъ формировать отрядъ пѣхоты исключительно изъ русскихъ и иностранцевъ, поселившихся въ Россіи; но формирование это не состоялось: лишь нѣсколь-

ко плѣнныхъ, преимущественно малоросовъ, были завербованы въ польскія войска.

Отрывокъ изъ „Записокъ графа Василія Алексѣевича Перовскаго“ (впослѣдствіи оренбургскаго и самарскаго генералъ-губернатора) заключаетъ въ себѣ подробности его нахождения въ плѣну у французовъ и испытанныхъ имъ страданій. До вступленія непріятеля въ Москву, молодой Перовскій, офицеръ генеральнаго штаба, состоялъ при казачьихъ полкахъ, въ арьергардѣ второй арміи. Наканунѣ занятія столицы непріятелемъ, онъ отпросился побывать въ Москвѣ, но 2-го сентября былъ оставленъ за городомъ, на аванпостахъ генерала Себастьяни, во время перемирія, и затѣмъ, послѣ разныхъ проволочекъ, объявленъ военноплѣннымъ, несмотря на то, что Себастьяни далъ слово отпустить его. Сначала Себастьяни сказалъ Перовскому, что такъ какъ онъ говоритъ по-французски, то, вѣроятно, король неаполитанскій пожелаетъ видѣть его. Мирать же сказалъ: „Я вѣрю, что генералъ Себастьяни обѣщаль отпустить васъ, но не отъ меня теперь это зависитъ: вамъ непременно надобно переговорить о томъ съ генераломъ Бертъе; я прикажу васъ проводить къ нему“. Бертъе, въ свою очередь, отозвался, что отпустить не можетъ, такъ какъ Перовскій пробылъ два дня въ занятой французами Москвѣ и не было взято предосторожностей скрыть отъ него то, чего не слѣдовало ему знать или видѣть. „Быть можетъ, захочетъ видѣть васъ императоръ—прибавилъ онъ—я прикажу доложить объ васъ.“ Послѣ этого Перовскаго заперли въ церкви Спаса на Бору, а на другой день повели къ маршалу Даву, объявивъ, что князь Эмюльскій окончательно рѣшить его судьбу. Разсказъ Перовскаго о свиданіи съ Даву характеризуетъ вполне этого свирѣпаго и неотесаннаго наполеоновскаго маршала-солдата. Когда нашъ офицеръ вошелъ, Даву сидѣлъ къ нему спиною и писалъ, и, не обращиваясь, спросилъ грубымъ голосомъ: „Кто вы?“—„Русскій офицеръ.“—„Парламентеръ?“—„Нѣтъ.“—„Тамъ плѣнный?“—„Нѣтъ, меня остановили за городомъ, въ день занятія Москвы, на аванпостахъ генерала Себастьяни, во время перемирія, и генералъ обѣщаль отпустить меня; но я былъ удержанъ и до сихъ поръ не могу добиться свободы, хотя былъ задержанъ противъ всякаго права войны.“ Даву съ нетерпѣніемъ перебилъ рѣчь нашего офицера: „Что вы толкуете мнѣ о перемирії? Что за перемиріе,

когда въ городѣ по насъ стрѣляли? Вы взяты въ плѣнъ по всей справедливости, и должны въ плѣну и остаться.“ На это Перовскій возразилъ: „Я не могу отвѣчать за поступки нѣсколькихъ жителей; если вы меня не отпустите, то поступите несправедливо.“ — „Молчите! закричалъ Даву и, пристально посмотрѣвъ на Перовскаго, сказалъ: — ба! да я васъ знаю!“ — „Не думаю, генералъ—отвѣчалъ Перовскій—я впервые имѣю честь васъ видѣть.“ — „Не запирайтесь: вамъ не удастся обмануть меня; вы уже были взяты разъ въ плѣнъ подъ Смоленскомъ и бѣжали. Но вы увидите, какъ мы поступаемъ съ людьми, которые по нѣскольку разъ отдаются въ плѣнъ и уходить. Во второй разъ не уйдете!... И, обратясь къ адъютанту, прибавилъ хладнокровно: „Прикажите призвать унтеръ-офицера и четырехъ рядовыхъ, чтобы разстрѣлять этого офицера“. Когда адъютантъ вышелъ, Перовскій сказалъ: „Я увѣряю честью, генералъ, что въ первый разъ нахожусь въ арміи вашей, и вижу, что и одного раза слишкомъ много. Надобно думать, что я имѣю съ кѣмъ-нибудь другимъ несчастное сходство“. — „Не трудитесь увѣрять меня; трудъ напрасный: не переувѣрите!“ возразилъ Даву. Всѣ вообще его рѣчи были—замѣчаетъ Перовскій—приправлены самыми выразительными словами солдатскаго словаря.

Молодой офицеръ нашъ, видя бесполезность своихъ увѣреній, уже приготовился дать разстрѣлять себя, какъ вдругъ суровому маршалу пришла въ голову счастливая мысль. „Подождите немного: я твердо убѣжденъ, что вы, а не кто другой, были взяты подъ Смоленскомъ; но хочу, прежде чѣмъ васъ разстрѣляютъ, уличить васъ еще во лжи. Я велю позвать того адъютанта, который находился при мнѣ въ Смоленскѣ: онъ вѣрно также узнаетъ васъ.“ — „Генералъ Даву—прибавляетъ Перовскій—казалось, боялся, чтобы я не приписалъ челоуколюбію пришедшую ему въ голову мысль.“ Къ счастью, адъютантъ отвѣчалъ отрицательно на вопросъ маршала относительно тождественности Перовскаго и того офицера, который бѣжалъ изъ плѣна.

Въ депо плѣнныхъ, на Дѣвичьемъ полѣ, Перовскій пребылъ десять дней, получая въ сутки около фунта хлѣба; но случилось, что въ иные дни и не раздавали плѣннымъ хлѣба. Два раза отпускали говядину, а когда французскіе солдаты доставали себѣ скоть, то нашъ офицеръ и товарищи его несчастія

исправляли при этомъ должность мясниковъ, за что французы отдавали имъ внутренности и другія негодныя въ пищу части скота. Во время слѣдованія колонны плѣнныхъ въ Смоленскъ, раздакъ позади ружейный выстрѣлъ, и вслѣдъ затѣмъ къ командовавшему офицеру приблизился унтеръ-офицеръ съ донесеніемъ, что пристрѣлилъ одного изъ плѣнныхъ. „Я не вѣрилъ ушамъ своимъ—говоритъ Перовскій—и просилъ офицера объяснить мнѣ слышанное мною. Французскій офицеръ отвѣчалъ вѣжливо: „Я имѣю письменное повелѣніе пристрѣливать тѣхъ плѣнныхъ, которые, отъ усталости или по другой причинѣ, отстанутъ отъ хвоста колонны болѣе пятидесяти шаговъ. На это дано конвойнымъ приказаніе однажды навсегда. Касательно же офицеровъ, такъ какъ число ихъ не слишкомъ значительно, то велѣно мнѣ ихъ, пристрѣливши, хоронить....“ — „Что могло быть причиною жестокаго повелѣнія, вами исполняемаго?“ спросилъ Перовскій.—„Не лучше ли не брать въ плѣнъ, чѣмъ, взявши, разстрѣливать? И какъ хотите вы требовать отъ людей голодныхъ, чтобы они шли, не отставая одинъ отъ другаго?“ — „Все это правда—отвѣчалъ офицеръ—но начальство приняло эту мѣру для избѣжанія того, чтобы отставшіе плѣнные, отдохнувъ, не стали тревожить насъ. Впрочемъ, вы сами тому причиною: больныхъ оставлять негдѣ; госпиталей нѣтъ; вы сожгли и города, и деревни....“

При началѣ пути, раздавалось въ день по шести или по семи роковыхъ выстрѣловъ, потомъ по пятнадцати и болѣе, а по мѣрѣ того, какъ голодъ и холодъ изнуряли плѣнныхъ, число пристрѣливаемыхъ становилось еще значительнѣе. Несчастный плѣнный, чувствуя, что силы его покидаютъ, прощался съ товарищами и понемногу отставалъ; конвойный солдатъ, пристрѣливъ его, вновь заряжалъ ружье и догонялъ колонну. Разъ упалъ отъ усталости одинъ нашъ старый солдатъ. Французъ три раза прикладывалъ дуло ружья къ его головѣ, три раза спускалъ курокъ.... ружье освѣкалось!... Уже другой, съ ружьемъ болѣе исправнымъ, доконалъ старика. Случалось, что плѣнные, завидѣвъ вдали церковь и зная свою участь, старались дотащиться до храма Божія, становились по нѣскольку рядомъ на паперти, молились и, въ такомъ положеніи, падали подъ выстрѣлами подлыхъ убійць....

Исторія обязана сохранить и выставить на позоръ всего человѣчества эти варварскія черты представителей того самаго

войска, которое, по словамъ бонапартовскихъ сендовъ, шло въ варварскую Россію не для разоренія и убійствъ, а для насажденія плодовъ *французской цивилизации*....

Уцѣлѣвшіе плѣнные терпѣли горькую судьбину. Когда у нихъ истощился скудный запасъ хлѣба, они питались тѣмъ, что находили въ пеплѣ сожженныхъ деревень и въ опустошенныхъ огородахъ, а подъ конецъ питались исключительно, почернѣвшимъ отъ морозовъ и времени, полусырымъ мясомъ палыхъ и убитыхъ лошадей. Всѣ были въ лохмотьяхъ и безъ обуви. У Перовскаго французскій солдатъ отнял сапоги еще при самомъ выходѣ изъ Москвы....

Обзоръ матеріаловъ, относящихся къ исторіи царствованія императора Александра I, заканчиваемъ указаніемъ на два свидѣтельства современниковъ о томъ неблагопріятномъ впечатлѣніи, которое произвело на русскихъ возстановленіе царства Польскаго, на правахъ почти самостоятельнаго государства. Первый изъ этихъ документовъ есть письмо В. С. Ланскаго (отъ 4-го мая 1815 г.) къ императору Александру (М. № 10-й и 11-й 1863 г.). Василій Сергѣевичъ Ланской былъ, до войны 1812 года, восемь лѣтъ гродненскимъ гражданскимъ губернаторомъ; при открытіи войны, его назначили генералъ-провіант-мейстеромъ всѣхъ армій, а когда наши войска вступили въ герцогство Варшавское—предсѣдателемъ учрежденнаго здѣсь временнаго правленія. Эту важную должность онъ занималъ до обнародованія польской конституціи. Въ письмѣ своемъ онъ говоритъ о неблагодарности поляковъ за всѣ оказанныя имъ милости и о надеждахъ ихъ получить большее „отъ бѣглеца изъ Эльбы“ (письмо было писано до сраженія при Ватерлоо), и заключаетъ письмо слѣдующими пророческими словами: „Государь! Простите русскому, открывающему передъ Тобою чувства свои и осмѣливающемуся еще изъяснить, что *благодаріе Твою и всѣ усилія наши не могутъ быть сильны сблизить къ намъ народъ, и вообще войско польское, коего прежде буйное поведеніе и разнообразныя оному наклонности противны священнымъ нашимъ правамъ, и потому, если я не ошибаюсь, то въ формируемомъ войскѣ питаемъ мы змѣя, ютовую всегда изліять на насъ ядъ свой. Болѣе не смѣю говорить о семъ и, какъ сынъ отечества, какъ вѣрный подданный Вашему Императорскому Величеству, не имѣю другой цѣли въ семъ донесеніи, кромѣ искренняго увѣренія, что ни въ какомъ случаѣ считать на поляковъ не можно.“*

Второй документъ: „Двѣ политическія записки“ (№ 2-й 1865 года), состоитъ изъ двухъ частей: въ первой, послѣ общаго взгляда на постепенное образованіе русскаго государства, разсматриваются тѣ земли, которыя въ смутныя времена отошли, одна за другою, къ Подляхіи и Мазовіи, послужили основою обширнаго Польскаго королевства, но никогда, несмотря на стремленія ляховъ ополячить ихъ, не переставали быть русскими, такъ что Россія, при всѣхъ трехъ раздѣлахъ Польши, не получила ничего, что не принадлежало бы ей издревле; во второй половинѣ записки идетъ рѣчь о невыгодахъ возстановленія королевства Польскаго и о вредныхъ послѣдствіяхъ этой мѣры для имперіи. Авторъ говоритъ: „Единообразное правленіе, единыя права, единые законы составляютъ крѣпость государства. Какія бы предосторожности приняты ни были, но одно уже названіе королевства Польскаго произведетъ заботу и огорченіе въ сынахъ Россіи, пріобрѣтшихъ кровію области, которыя отъ нея въ бѣдственные времена отторжены были.... Слѣдствія будутъ: возрожденіе усыпленной ненависти, соперничество, междоусобія и самая, при несчастныхъ обстоятельствахъ, опасность быть подъ игомъ. Чего не могли сдѣлать силою французы, издавѣка пришедшіе, то удобнѣе будетъ для сосѣдей предприимчивыхъ, хитрыхъ, коварныхъ“.

Записка эта найдена въ дипломатическихъ бумагахъ Рѣшетниловскаго архива (*), относившихся къ тѣмъ вопросамъ, которые обсуждались на вѣнскомъ конгрессѣ. По содержанію своему она сходна съ извѣстнымъ письмомъ Карамзина о Польшѣ. Все, что предвидѣли Ланской и авторъ этой записки, къ нашему несчастію, исполнилось.

Данныхъ, относящихся къ царствованію императора Николая, въ „Русскомъ Архивѣ“ покажется немного. Остановимся лишь на тѣхъ, которыя, по содержанію своему, могутъ имѣть мѣсто на страницахъ нашего журнала.

Пушкинъ, описывая свое путешествіе въ Арарумъ (въ 1829 году, во время турецкой кампаніи), начинается такъ: „Изъ Москвы поѣхалъ я на Калугу, Бѣлевъ и Орелъ и сдѣлалъ такимъ образомъ двѣсти верстъ лишнихъ, за то увидѣлъ....“ Кого?... Объ этомъ до сихъ поръ въ нашей печати не было

(*) Т. е. въ мѣстечкѣ Рѣшетниловѣ, принадлежавшемъ Попову, бывшему правителю канцеляріи Потемкина.

ни слова, и только теперь „Русскій Архивъ“ возстановляетъ цѣлую любопытную страницу, тѣмъ болѣе любопытную, что она говоритъ о свиданіи знаменитаго русскаго поэта съ знаменитымъ русскимъ генераломъ.

Итакъ, недооказанное, слишкомъ тридцать лѣтъ тому назадъ, должно читать:.....„за то увидѣлъ *Ермолова*“.

Передаемъ и дальнѣйшій рассказъ поэта, какъ матеріалъ для характеристики Алексѣя Петровича:

„Онъ живетъ въ Орлѣ, близъ коего находится его деревня. Я пришелъ къ нему въ семь часовъ утра и не засталъ его. Извозчикъ мой сказалъ, что Ермоловъ ни у кого не бываетъ, кромѣ какъ у отца своего, простаго, набожнаго старика, что онъ не принимаетъ только городскихъ чиновниковъ, а что всякому другому доступъ свободенъ. Черезъ часъ я снова къ нему пріѣхалъ. Ермоловъ принялъ меня съ обыкновенною своею любезностію. Съ перваго взгляда я не нашелъ въ немъ ни малѣйшаго сходства съ портретами, писанными обыкновенно проилемъ. Лицо круглое; огненные, сѣрые глаза; сѣдые волосы дыбомъ; голова тигра на геркулесовомъ торсѣ. Улыбка непріятная, потому что неестественна. Когда же онъ задумывается и хмурится, то становится прекрасенъ и разительно напоминаетъ поэтическій портретъ, писанный Довомъ. Онъ былъ въ зеленомъ черкесскомъ чекменѣ. На стѣнахъ его кабинета висѣли шапки и кинжалы — памятники его владычества на Кавказѣ. Онъ, повидимому, нетерпѣливо сноситъ свое бездѣйствіе. Нѣсколько разъ принимался онъ говорить о Паскевичѣ, и всегда завидливо: говоря о легкости его побѣдъ, онъ сравнивалъ его съ Навиномъ, предъ которымъ стѣны падали отъ трубнаго звука, и называлъ графа Эриванскаго графомъ Ерихонскимъ. — „Пускай нападетъ онъ — говорилъ Ермоловъ — на пашу не умнаго, не искуснаго, но только упрямаго, напимѣръ на пашу, начальствовавшаго въ Шумлѣ, и Паскевичъ пропадетъ.“ Я передалъ Ермолову слова графа Толстаго, что Паскевичъ такъ хорошо дѣйствовалъ въ персидскую кампанію, что умному человеку осталось бы только дѣйствовать похуже, чтобы отличиться отъ него. — „Можно бы было сберечь людей и издержки“, сказалъ онъ. Думаю, что онъ пишетъ или думаетъ писать свои записки. Онъ недоволенъ исторіей Карамзина; онъ желалъ бы, чтобы пламенное перо изобразило переходъ русскаго народа отъ ничтожества къ славѣ и могуществу. О запискахъ князя

Курбскаго говорить онъ son amoge. Нѣмцамъ досталось. — „Лѣтъ черезъ пятьдесятъ — сказалъ онъ — подумаютъ, что въ нынѣшнемъ (т. е. турецкомъ) походѣ была вспомогательная прусская или австрійская армія, предводительствуемая такими-то нѣмецкими генералами.“ Я пробылъ у него часа два; ему было досадно, что не помнилъ моего полного имени. Разговоръ нѣсколько разъ касался литературы. О стихахъ Грибоѣдова говорить онъ, что отъ чтенія скулы болятъ. О правительствѣ и политикѣ не было ни слова.“

Въ той же книгѣ помѣщенъ другой матеріалъ для біографіи Ермолова: „Разговоръ съ А. П. Ермоловымъ, изъ недавнихъ записокъ“, автора, скрывшаго свое имя. Этотъ разговоръ относится къ послѣднимъ годамъ жизни Ермолова, именно къ 1854 году. Рѣчь, между прочимъ, зашла о Суворовѣ. Ермоловъ говорилъ о немъ съ увлеченіемъ. — „Написать его исторію никто не можетъ“, сказалъ онъ: „его характеръ ускользаетъ отъ описанія. Фуксъ приставленъ былъ къ нему въ соглядатаи, и чрезъ нѣсколько дней, побѣжденный его величіемъ, предался ему навсегда.“ И въ маститой старости сохранялъ Ермоловъ любовь къ отечественной литературѣ и уваженіе къ писателямъ. Поэтовъ онъ называлъ „гордостію націи“ и съ сожалѣніемъ говорилъ о ранней смерти Лермонтова. — „Ужъ я бы не спустилъ этому ***!“ воскликнулъ сѣдовласый герой. — „Если бы я былъ на Кавказѣ, я бы спровадилъ его; тамъ есть такіа дѣла, что можно послать да вынуть часы считать, чрезъ сколько времени посланнаго не будетъ въ живыхъ. И было бы законнымъ порядкомъ. Ужъ у меня бы онъ не отдѣлался. Можно позволить убить всякаго другаго человѣка, будь онъ вельможа и знатный: такихъ завтра будетъ много, а этихъ людей не скоро дождешься.“

„Разсказъ покойнаго Шеншина о двухъ поѣздкахъ его на Аландскіе острова въ послѣднюю войну“ (№ 12-й 1863), изложенный въ видѣ письма къ князю Н. А. Орлову, хотя и не можетъ быть названъ строго-историческимъ матеріаломъ, потому что касается почти исключительно приключеній съ авторомъ, тѣмъ не менѣе мы упоминаемъ о немъ, какъ о малоизвѣстномъ теперь эпизодѣ войны 1854—1856 годовъ, начавшейся въ Балтикѣ и кончившейся на Черномъ морѣ. Въ свое время о двухъ краткой поѣздкѣ на Аландъ нашего офицера, которому грозила опасность попасть въ руки англичанъ или французовъ, довольно

было говорено, особенно въ петербургскихъ великосвѣтскихъ салонахъ.

Въ разсказѣ Шеншина, между прочимъ, упоминается, будто капитану Аргасу поручено было провести пять пароходовъ изъ Свеаборга въ Або. Лейтенантъ Романовъ исправляетъ эту ошибку (*ММ* 5-й и 6-й 1864 г.) доказательствами, что честь дѣла принадлежитъ отцу его, находящемуся нынѣ въ отставкѣ, контръ-адмиралу. Въ 1854 году, отецъ автора статьи, оставившій морскую службу еще въ 1842 году въ чинѣ капитанъ-лейтенанта, изъявилъ желаніе служить, при открывшихся тогда на морѣ военныхъ дѣйствіяхъ, волонтеромъ, былъ назначенъ начальникомъ отряда канонерскихъ лодокъ въ Гельсингфорсѣ и получилъ предписаніе отправиться въ Або съ пароходами: „Графъ Вронченко“, „Ястребъ“, „Рюрикъ“, „Адмиралъ“ и „Летучій.“ На вопросъ: какъ надѣется онъ сохранить честь русскаго флага, если отрядъ будетъ окруженъ непріателемъ, капитанъ-лейтенантъ Романовъ отвѣчалъ: „Я уже говорилъ съ командирами, и мы дали другъ другу слово сдѣлаться, въ такомъ случаѣ, съ непріателемъ и взорваться на воздухъ“. Чтобы обмануть бдительность союзныхъ крейсеровъ, суда снялись съ якоря ночью на 17-е іюня, обогнули, на разсвѣтѣ, Порканоудъ, въ близкомъ разстояніи отъ крейсеровъ, и такимъ образомъ совершили первый опасный переходъ. Оставалось обогнуть Гангеудскій мысъ, гдѣ отрядъ, уже не имѣя шхернаго прикрытія, долженъ былъ пройти, предъ глазами непріателя, открытымъ плесомъ верстъ тридцать, до входа въ абоскія шхеры. Такъ какъ передъ Гангеудомъ видны были въ морѣ три непріательскихъ парохода, то комендантъ, генералъ-маіоръ Моллеръ, не предполагая, чтобы нашъ отрядъ могъ отважиться на плаваніе, остановилъ его тремя пушечными выстрѣлами; но дѣло скоро объяснилось, и наши суда пошли далѣе въ виду непріателя, приближавшагося къ Гангеуду. Передъ вступленіемъ въ абоскія шхеры, раздались непріательскіе выстрѣлы, однако отрядъ благополучно достигъ Або въ десять часовъ вечера. И здѣсь нашихъ моряковъ приняли за непріателя и долго не хотѣли вѣрять неожиданному появленію русскихъ пароходовъ.

Лейтенантъ Романовъ прибавляетъ, что объ этомъ отважномъ плаваніи нашихъ судовъ ничего не было писано въ тогдашнихъ русскихъ газетахъ; но въ „Independance Belge“ и въ другихъ иностранныхъ журналахъ о немъ было упомянуто.